

Г.Н.Винокуров, В.И.Ковалев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков, Ю.А.Подкорытов Россия в контексте мировой геополитической динамики: количественная оценка исторической ретроспективы, современного состояния и перспектив развития // *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков.* – М.: КРАСАНД, 2011, с.89-105.

Глава 3

Россия в контексте мировой геополитической динамики: количественная оценка исторической ретроспективы, современного состояния и перспектив развития

Г. Н. Винокуров, В. И. Ковалев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, Ю. А. Подкорытов

Введение

Объективная оценка места и роли государства в современном и перспективном мире, его самопозиционирование как элемента системы межгосударственных отношений, является необходимым условием, ключевым этапом на пути идентификации национальных интересов и формирования соответствующих стратегий по их реализации (защите). При этом очевидно, что более высокое положение страны в мировой иерархии это, конечно же, не вопрос национального престижа. Это, прежде всего, более эффективные, в определенном смысле, возможности реализации базовых ценностей государства.

Существует и еще один, не менее важный, аспект, связанный с необходимостью «согласования» самопозиционирования государства и его практических стратегий, которые оно пытается реализовать с целью обеспечения своих интересов: история насчитывает немало примеров, когда завь-

шенная самооценка национального потенциала, места страны приводила в итоге к ее политическому краху.

Особенно актуальны эти вопросы для нашей страны, которая вот уже на протяжении более полутора десятилетий пытается найти свою нишу (в первую очередь, политическую) в мировом сообществе. При этом проблемность ситуации заключается в том, что подобной поиск происходит в условиях не только постоянного «цейтнота», обусловленного высокой динамикой мировых процессов (в том числе и негативных), но и в условиях снижающихся объективных возможностей России, ее «силового потенциала» (в первую очередь, в демографии и военной сфере) по реализации соответствующих национальных стратегий. Современное состояние, в котором сегодня находится наша страна, и ближайшие перспективы, как их оценивают специалисты, требуют уже даже не просто рациональности, а практически оптимальности стратегий развития во всех сферах функционирования государства. Мы уже не можем позволить тупиковые или, тем более, конфронтационные, провоцирующие варианты национального поведения, не соответствующие нашим реальным возможностям и положению.

Традиционным подходом, с помощью которого пытаются решить указанные проблемы, является системный анализ текущего состояния и прогноз развития основных сфер межгосударственных отношений. Однако при этом существует и традиционная проблема, обусловленная: а) гиперпараметричностью исследуемой области; б) необходимостью обязательно комплексного учета и взаимовлияния многочисленных разнородных процессов и явлений, протекающих в системе межгосударственных отношений; в) необходимостью увеличения глубины прогноза. Все это существенно затрудняет корректный и детальный анализ, а, учитывая экспертно-вербальный подход, которым, в основном, пользуются специалисты-международники, может трансформировать адекватность итоговых оценок.

Для преодоления указанных сложностей в последние годы политологи все шире пытаются привлекать методы геополитики, способной, как оказалось, значительно сократить число анализируемых «параметров состояния» системы межгосударственных отношений, обеспечивая при этом приемлемую корректность оценок и прогнозов основных мировых процессов. Геополитический подход естественным образом перетек и в область математического моделирования мировой динамики – одного из бурно развивающихся сегодня направлений количественных исследований системы межгосударственных отношений. И хотя математическое моделирование не заняло пока доминирующего положения в структуре методологии анализа международных отношений, те известные преимущества, которое оно предоставляет исследователю, позволяют надеяться на такой исход. Подобный оптимизм внушил авторам и один из первых отече-

ственных опытов моделирования геополитических процессов (Андреев 1999; Кузьмин, Галуша 2000; Чернавский 2002 и др.; Коняхин, Подкорытов, Винокуров 2006; Винокуров, Коняхин, Подкорытов 2008).

В рамках общего развития этого направления и был предложен метод количественного исследования динамики мировой геополитической иерархии, на основе которого, в свою очередь, был проведен количественный анализ ретроспективной, актуальной и прогнозной динамики места России на мировой арене.

Метод исследования

Общей концептуально-формализационной базой предлагаемого метода является методология количественной интерпретации множества атрибутов государства (физико-географических, демографических, экономических, военных и др.) единым, обобщенным показателем.

Общетеоретические основы моделирования обобщенной характеристики государства (называемой «силой», «мощью», «могуществом») были заложены еще учеными-геополитиками, в том числе А. Мэхеном (1941), Н. Спайкманом (Дугин 1997, Петров 2003), представителем русской «военной географии» А.Е. Снесаревым (1920) и окончательно сформировались, в период становления науки о международных отношениях в трудах Г. Моргентгау (Morgenthau 1967), А. Органского (Organski 1958), Р. Арона (2000), К. Кнорра (1960) и др. Из этих и подобных работ непосредственно родилась и развивалась в рамках количественной политологии математическая «технология» получения обобщенного скалярного показателя, наиболее ярко представленная, в частности, в моделях В.Фукса (Fucs 1965), К. Джермана (German 1960), А. Шинна (Shinn 1969), Р. Клайна (Cline 1975), Дж.Куглера (Organski, Kugler 1980), Т.Саати (1993). В настоящее же время наиболее известной является модель-проект главной «фабрики мысли Пентагона» – корпорации RAND (Глобальный силомер 2005).

Предлагаемый авторами метод, разработанный в стиле так называемого «мягкого моделирования», основан на формализации местоположения страны в некоторой системе государств, которое определяется с использованием такого показателя, как «геополитический статус». Данный показатель, уже применявшийся в подобных исследованиях (Андреев 1999), представляет собой обобщенную безразмерную «свертку» двух групп параметров, характеризующих страну как субъект системы межгосударственных отношений: а) собственно геополитических атрибутов государства (в данном случае территориальных, демографических, экономических, военных), совокупность которых именуется «геополитическим потенциалом» (Андреев 1999) и б) внешних и внутренних факторов, таких как качество государственного управления, степень независимости (политической, военной, экономической) страны, участие в военно-политических коалициях.

Общая формула расчета статуса имеет вид:

$$S(t) = F_A(t) G(t), \quad (1)$$

где $S(t)$ – статус в момент времени t ; F_A – «функция влияния», определяющая совокупное влияние указанных выше факторов, не связанных явно с геополитическим потенциалом; $G(t)$ – геополитический потенциал, значение которого определяется по следующей формуле:

$$G(t) = 0,5 (1 + X_M^{0,43}) X_T^{0,11} X_D^{0,19} X_E^{0,27}, \quad (2)$$

где X_i ($i = T, D, E, M$) – доли государства в общемировых показателях в территориальной, демографической, экономической и военной сферах соответственно.

Непосредственными показателями (атрибутами), по которым определяется указанные доли (за исключением военной), являются, соответственно, площадь территории страны, численность населения и объем ВВП. Военный компонент рассчитывается по формуле:

$$X_M = 0,5 x_{M1} [0,5(x_{M2} + x_{M3}) + x_{M4}], \quad (3)$$

где x_{Mj} ($j = 1, \dots, 4$) – доли страны в общемировых показателях военных расходов, военный потенциал армии, военный потенциал ВМФ и стратегический ядерный потенциал.

Значения констант-показателей степени в (2) рассчитывались методом наименьших квадратов. При этом данные для долей X_i ($i = T, D, E, M$) брались из соответствующей статистики (применительно к ведущим странам), а левая часть – из оценок могущества государства, проведенных по модели корпорации RAND.

Для функции F_A была получена следующая формула (для суверенного государства):

$$F_A = (1 - k_U)^{0,11} \cdot (1 - \frac{J}{Y})^{0,27} \cdot (1 - \frac{w_a}{w_G + w_a})^{0,43} \cdot (1 + \frac{n_B}{N_B} \sum_{\substack{i=1 \\ i \neq j}}^{n_B} G_i), \quad (4)$$

где множители формализуют, соответственно, качество государственного управления, экономическую и военную независимость, а также «прибавку», которую получает страна, вступая в военно-политическую коалицию. Здесь k_U – параметр управления, определяемый экспертно; J, Y – объем импорта и ВВП страны, соответственно; w_a, w_G – общая численность на территории страны иностранных войск и национальной армии соответственно; n_B, N_B – число членов конкретного блока и общее количество стран-участниц различных коалиций, соответственно; G_i – геополитический потенциал i -го государства-члена коалиции.

Для непосредственного определения показателей, по которым рассчитываются в итоге доли в (2) – площади территории (A), численности населения (P), объема ВВП (Y), величины военных расходов (M_1), военного потенциала армии (M_2), военного потенциала ВМФ (M_3) и стратегического ядерного потенциала (M_4) – разработана высокоагрегированная математическая макромоделю функционирования государства. Базовые уравнения модели имеют следующий вид.

$$\frac{dA(t)}{dt} = (a_1+a_2) A_W - (a_3+a_4) A; \quad A_W = \sum_{k=1}^{N_w} A_k(t) \quad (k=1, \dots, N_w);$$

$$\frac{dP(t)}{dt} = (b_1 - b_2 - b_4 - b_5) P + b_3 P_W + r_{P1}(a_1+a_2) A_W - r_{P2}(a_3+a_4) A;$$

$$P_W(t) = \sum_{k=1}^{N_w} P_k(t);$$

$$Y = y_{k0} \left(\frac{L_E}{L_K} \right)^h K^b; \quad L_E = l_{LR} l_{LF} l_{EF} P = l_E(t) P;$$

$$\frac{dK(t)}{dt} = I(t) - (m_0 + m_1) K + r_{K1}(a_1+a_2) A_W - r_{K2}(a_3+a_4) A.$$

$$C = c(t)Y; \quad I = s(t)Y; \quad Z = Y - (C + I); \quad Y_W(t) = \sum_{k=1}^{N_w} Y_k(t)$$

$$M_I(t) = \sum_{i=2}^4 m_{Mi} M_i + R_{MI} = m_M(t)Y.$$

$$\frac{dM_j}{dt} = f_{Mj}(\{x_j\}, t) \quad (j = 2, 3, 4).$$

Здесь: A_W – общая «политическая» площадь земного шара; A_k – площадь территории k -ой страны; N_w – общее число стран в мире; a_1, a_2 – доли «политических» (вследствие передела границ) и «военных» (в ходе войны) приобретений территории в единицу времени соответственно; a_3, a_4 – доли «политических» и «военных» потерь в единицу времени соответственно;

P_W – текущая общая численность населения земного шара, b_i ($i=1, \dots, 5$) – коэффициенты рождаемости, смертности, иммиграции, эмиграции, военных потерь (в единицу времени) соответственно; r_{P1}, r_{P2} – текущие плотности населения присоединенного и потерянного участка территории соответственно;

K – величина основных производственных фондов (в стоимостном выражении); $L_E(t), L_K(t)$ – текущее и требуемое (для «нормального» функционирования экономики) значения рабочей силы, для которых выполняется условие $L_E \leq L_K$; l_{LR} – доля трудовых ресурсов (экономически активного населения) в общей численности населения страны; l_{LF} – доля рабочей силы в общей численности экономически активного населения; l_{EF} – доля

занятых в общей численности рабочей силы; y_{k0} , b , η – константы, определяемые для каждой страны из соответствующей статистики;

$I(t)$ – объем инвестиций; r_{k1} , r_{k2} – текущие «плотности» основных фондов присоединенного и потерянного участка территории соответственно; m_b , m_d – доли основных фондов, выбывающих в единицу времени вследствие амортизации и военных потерь, соответственно;

$C(t)$ – потребление; $Z(t)$ – чистый экспорт; $c(t)$, $s(t)$ – коэффициент потребления и норма накопления соответственно; $Y_W(t)$, $Y_k(t)$ – мировой ВВП и ВВП k -ой страны соответственно.

m_{Mi} ($i=2,3,4$) – усредненные удельные показатели стоимости разработки, производства и содержания соответствующей единицы военного потенциала; R_{Mi} – часть военных расходов, не связанная с указанными показателями; m_M – доля военных расходов в ВВП страны.

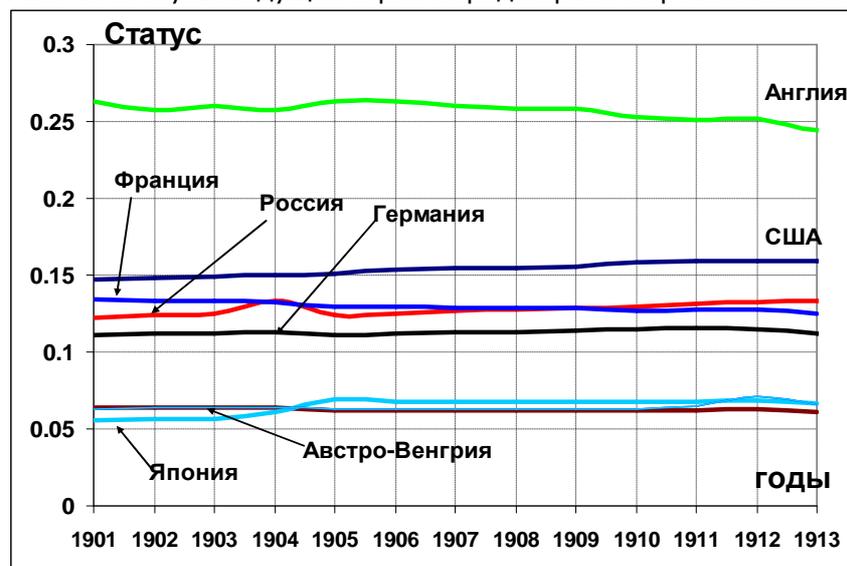
$\{\xi_i\}$ – множество параметров, конкретизирующих сценарии развития i -го компонента военного потенциала; f_{Mi} – функция, описывающая динамику изменения i -го компонента военного потенциала.

Объединение в систему представленных уравнений позволяет получить общую модель геополитического статуса. Сравнение оценок позиционирования США и нашей страны, полученных на основе данной и некоторых других аналогичных моделей, показало хорошее соответствие.

Историческая ретроспектива: количественная интерпретация глобальных процессов

Как хорошо известно, в истории международных отношений последнего столетия существует несколько ключевых периодов, характеризующихся радикальным изменением геополитической конфигурации мира, новой расстановкой сил, деградацией старых и возникновением новых «центров силы». Данные периоды, к которым относятся в первую очередь обе мировые войны и момент распада мировой социалистической системы, фундаментально изучены с помощью традиционных историко-политологических методов. Наша же задача в данном случае состоит в количественной интерпретации этих событий мировой истории.

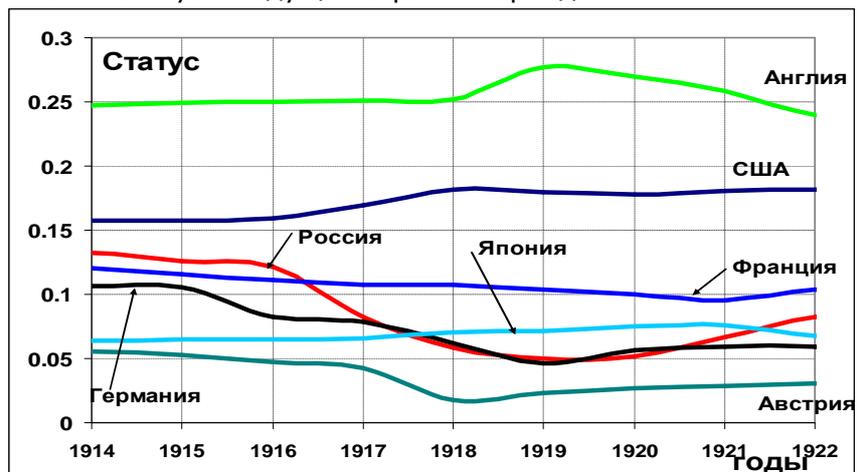
Период *перед первой мировой войной*, показанный на рис.1, характеризовался наличием трех основных групп стран, составлявших геополитическую иерархию.

Рис. 1. Статусы ведущих стран перед первой мировой войной

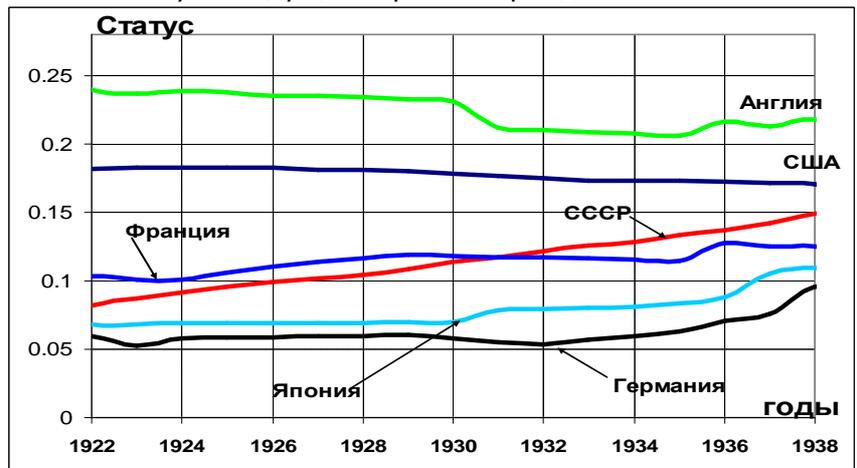
Во-первых, это безусловный лидер – Британская империя, на территории которой «никогда не заходило солнце», геополитический отрыв которой от других стран был достаточно велик. Вторую группу составляли ближайшие «претенденты» на мировое лидерство в лице Соединенных Штатов и европейских стран – Германии, России и Франции, имевшие достаточно близкие статусы. И, наконец, «второразрядные» державы – Австро-Венгрия, Италия (на рисунке статус Италии отдельно не показан, поскольку он практически совпадал со статусом Австро-Венгрии) и Япония, выходящая в региональные лидеры после войны с Россией. При этом, как видно, мировая геополитическая конфигурация была относительно стабильной, существенных изменений положения государств не происходило.

Для России этот период характеризовался небольшим, но стабильным возрастанием статуса (что позволило даже немного опередить Францию), обусловленным высокими темпами демографического и экономического роста, достаточно эффективной военной реформой.

Первая мировая война (рис.2) и последовавшие за ней события существенно трансформировали мировую иерархию. При этом, как видно, к 1922 году в «статусном» проигрыше оказались все европейские страны, даже победители (!), не говоря уже (что естественно) о проигравших войну, включая Россию, находившуюся к тому же в состоянии гражданской войны.

Рис. 2. Статусы ведущих стран в период 1914–1922 гг.

(Интересно отметить, что даже графически видно, как тесно «переплелись» на время позиции Советской России и веймарской Германии, что обусловило их известное сближение, выразившееся в Рапальском договоре и последующих соглашениях). Единственной страной, получившей безусловную геополитическую выгоду от войны, оказались Соединенные Штаты, которые к 1922 году (момент окончательного формирования Версальско-Вашингтонской схемы мироустройства) сократили, примерно на треть, довоенную геополитическую дистанцию с Англией.

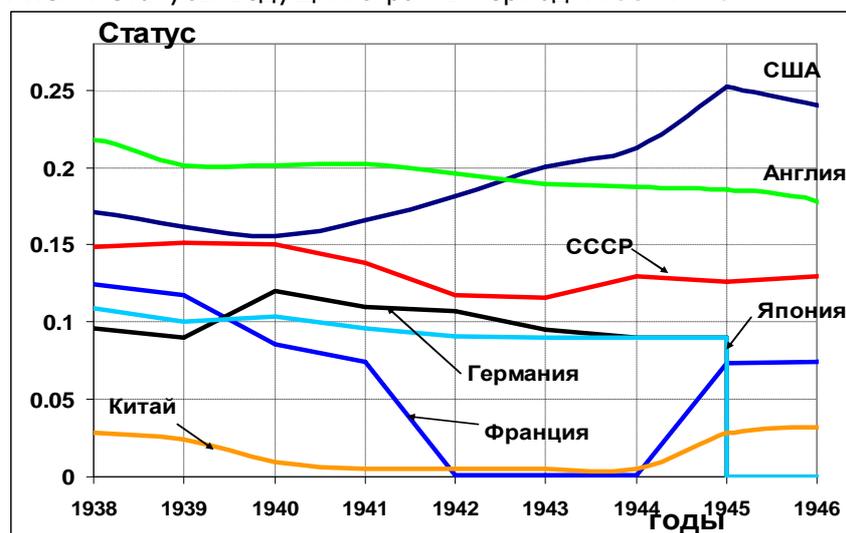
Рис. 3. Статусы ведущих стран в период 1922–1938 гг.

Период до начала второй мировой войны (рис.3.) характерен двумя этапами.

Первый определяется относительно стабильной (примерно до 1930–31 гг.) динамикой статусов ведущих стран (за исключением СССР). Второй этап, непосредственно предшествовавший войне, характеризовался резким возрастанием статусов Германии и Японии, вызванным радикальным увеличением военной мощи этих стран и начавшейся вооруженной экспансией (соответственно, «аншлюс» и японо-китайская война). «Проседание» статуса Англии было вызвано помимо «великой депрессии» официальным отделением от нее бывших доминионов. Наша страна, демонстрировавшая невиданные на тот момент темпы экономического роста и постоянно увеличивавшая свой военный потенциал, в итоге вышла на третье место, опередив, как и перед первой мировой войной, Францию.

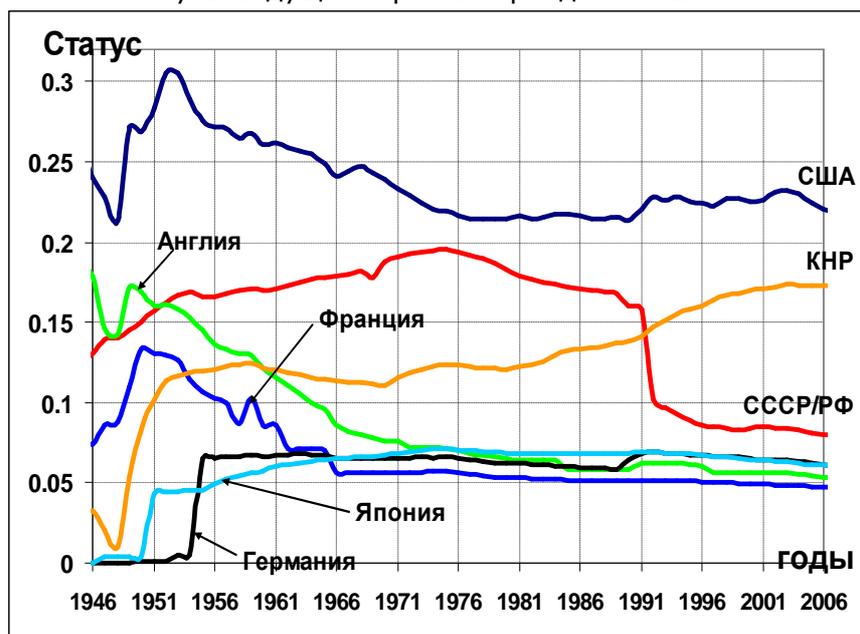
Вторая мировая война еще более радикально, чем предыдущая, изменила геополитическую конфигурацию мира (рис.4). Во-первых, мировым лидером впервые, опередив Англию, стали Соединенные Штаты. А страны фашистского блока, оккупированные войсками союзников, полностью утратили свой статус. Начал подниматься досоциалистический Китай. Продолжил медленную деградацию статус Англии.

Рис.4. Статусы ведущих стран в период 1938–1946 гг.

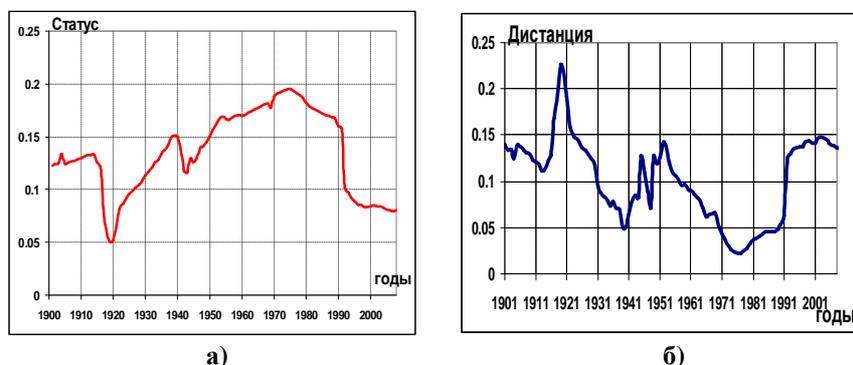
Послевоенная, «потсдамская» конфигурация мира (рис.5), характерна тем, что вновь образовались три основные группы стран.

Рис. 5. Статусы ведущих стран в период 1946–2006 гг.

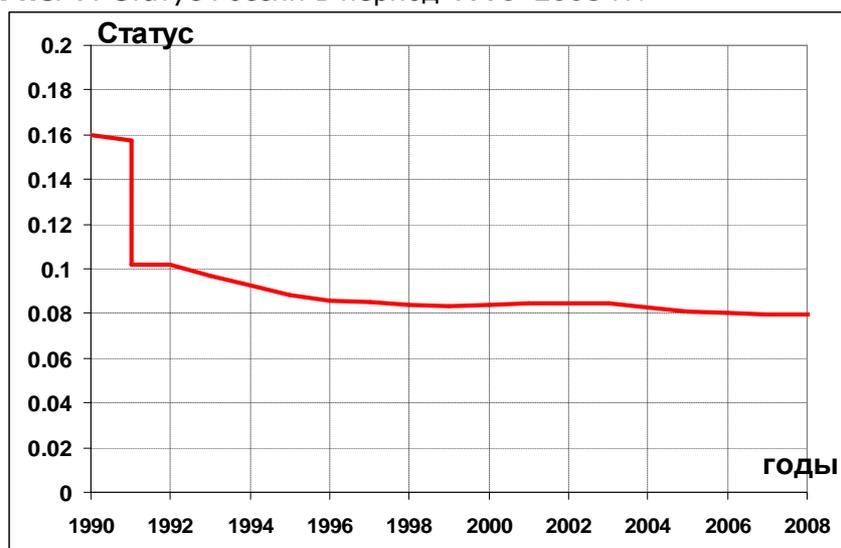
Первую группу составляли США и СССР – лидеры новой биполярной системы. Наша страна впервые в своей истории вышла на второе место в мире, которое было утеряно только с распадом СССР в 1991 году. Причины такого геополитического подъема СССР, как показал анализ структуры модельных результатов, были обусловлены существенным ростом его экономического и военного (в первую очередь, ядерного) потенциалов. (Некоторый спад, обозначившийся в начале 80-х годов прошлого века объясняется падением доли страны в демографической и экономической сферах). При этом геополитическая дистанция (разность статусов) между нашей страной и США была минимальна примерно в середине 70-х годов, в период переговоров по СНВ и ПРО, Хельсинкского акта и др. Впервые в своей истории наша страна очень близко приблизилась к мировому лидеру, что и демонстрирует график динамики геополитической дистанции (рис.бб) между ней и лидерами (Англия и США – до и после второй мировой войны соответственно).

Рис. 6. Динамика показателей, характеризующих местоположение России в XX – начале XXI века: а) статус, б) дистанция между Россией и мировым лидером

Вторую группу образуют ведущие европейские страны (Англия, Франция, Германия) и Япония, статусы которых практически сравнялись и находятся сегодня в некотором «геополитическом коридоре», «геополитической колее». При этом интересно отметить, что втягивание в этот коридор Англии и Франции происходило «сверху», (вследствие распада колониальной системы), а Германии и Японии – «снизу» (причина - обретение политического суверенитета и высокие темпы экономического роста).

Наконец, третьим «центром силы» послевоенного мира стал Китай, который с победой коммунистической революции стал демонстрировать (особенно с начала 80-х годов) высочайшие темпы экономического развития и вышел к настоящему времени на второе место в мире (Dunn, Kristof 1994). (Вследствие этого некоторые американские политологи даже объявили геополитический подъем Китая главным событием XX века). Правда, при этом надо иметь в виду, что подобное могло произойти только при условии распада Советского Союза. Данный распад, названный, в свою очередь, геополитической катастрофой века, привел к тому, что наша страна в статусном отношении существенно приблизилась к второразрядным мировым державам. Ей, так же, как в свое время Франции и Англии, грозит втянуться в указанный геополитический коридор (своеобразный геополитический «аттрактор»), покинуть который, без кардинальных мировых потрясений (типа мировой войны), как показывает анализ модели, практически невозможно. (Указанным странам выйти из этого аттрактора не помог даже распад СССР, хотя и несколько увеличил их статусы). Однако, несмотря на политический хаос начала-середины 90-х годов, России все же удалось стабилизировать динамику своего статуса (рис.7).

Рис. 7. Статус России в период 1990–2008 гг.

Рассмотрим теперь некоторые из основных факторов, которые способны повлиять на статус нашей страны в будущем, на период, охватывающий ближайшие два десятилетия.

Перспективы динамики статуса России в свете возможного сокращения ее ядерного потенциала

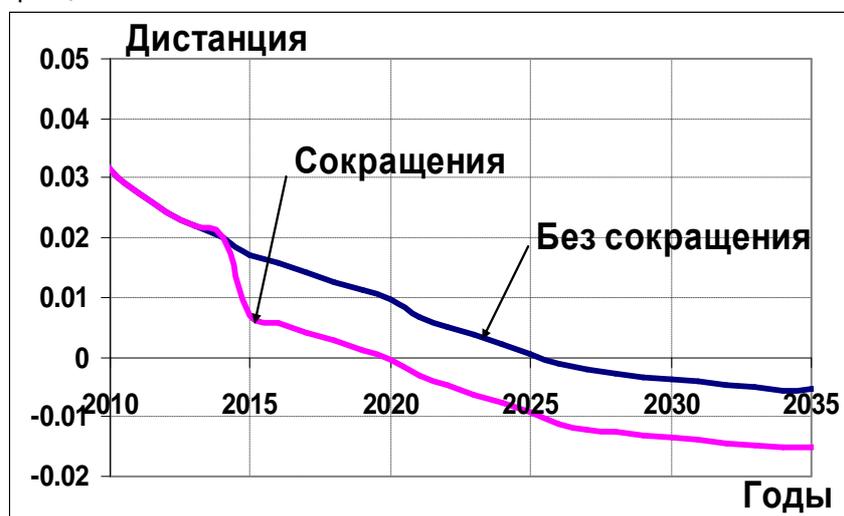
Не рассматривая в данной статье все теоретически возможные сценарии в стиле альтернативной истории А.Дж.Тойнби, способные изменить статус России (этому авторы планируют посвятить отдельное исследование), отметим лишь злободневные факторы, которые сегодня уже реализуются или же вот-вот готовы вторгнуться в базовые сферы функционирования нашего государства.

К числу таких факторов относятся, в частности, и российско-американские «новоформатные» инициативы, готовые в скором времени принять форму договорных обязательств, касающиеся дальнейших сокращений стратегических наступательных потенциалов (СНП) обеих стран.

Анализ получаемых результатов, соответствующих обсуждаемым в экспертном сообществе входным параметрам возможных уровней и времени реализации сокращения (соответственно, 1000 боезарядов, 2015 год), показывает невыгодность, на первый взгляд, данного договора в первую очередь для самих Соединенных Штатов. Действительно, если судить по «постдоговорной» динамике геополитической дистанции между США и

ближайшим геополитическим соперником (и первым претендентом на мировое лидерство) – Китаем (рис.8), то налицо более ранняя, чем без этих сокращений, потеря американского лидерства.

Рис. 8. Динамика геополитической дистанции между США и Китаем в зависимости от реализации нового договора о сокращении СНП

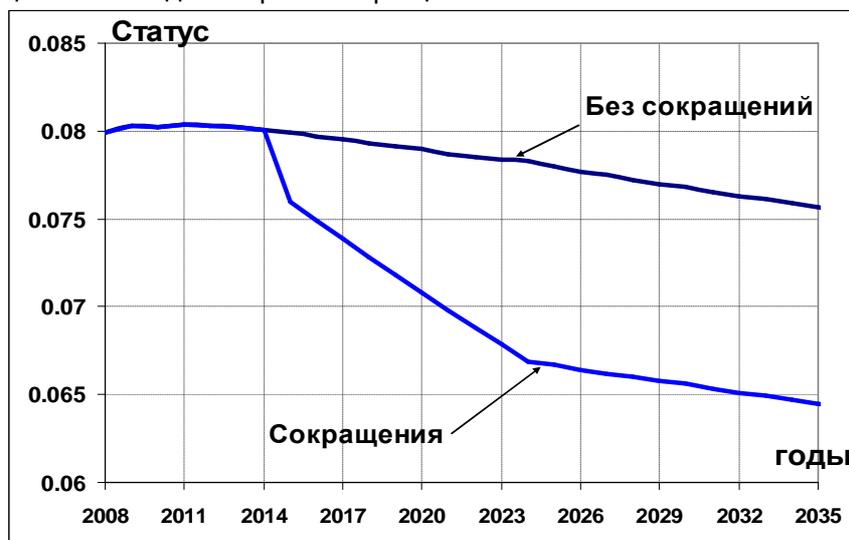

По нашим «модельным» расчетам (и по оценкам политологов, в том числе и американских), Соединенные Штаты все равно должны уступить первое место Китаю в мировой «табели о рангах». Но, во-первых, это должно было произойти позже (чем при сокращенных уровнях СНП), а, во-вторых, геополитический отрыв от Китая был бы существенно меньшим (примерно в 3 раза для 2035 года).

В связи с этим встает естественный вопрос, а зачем вообще нужны американцам подобные сокращения? В чем тогда их выигрыш? И если выгода все же существует, то в какой сфере она лежит и как скоро может реализоваться?

Как нам представляется, в соответствии с обсуждаемым в СМИ «разоруженческим» планом Б. Обамы имеются две явно выигрывающие в геополитическом отношении стороны (Китай и Европа) и одна явно проигрывающая – Россия. Действительно, как показывают результаты моделирования (рис.9) статус России в этом случае сравнительно резко снижается и начинает дрейфовать в указанный выше «геополитический коридор-аттрактор», в котором сегодня, как в «безвылазной» колее, находятся второстепенные (региональные) «центры силы» (см. рис.5). То есть, реализуется та ситуация, которую удалось избежать 10–15 лет назад!

Рис. 9. Динамика статуса России в зависимости от реализации нового договора о сокращении СНП

В этом случае уместно предположить, что указанный план нацелен на обеспечение одного (или нескольких) из трех возможных вариантов развития будущего:

Первый из них представляется достаточно очевидным – последовательное и управляемое снижение геополитического статуса России. Вступая в переговоры с США, российская сторона почему-то не учитывает один важный для понимания международной политики геополитический фактор. В соответствии с ним, с геополитической точки зрения, страны с огромными энергетическими и сырьевыми ресурсами не должны играть самостоятельные политические роли. Если это не будет реализовано, то вся конструкция, на которой держится современный, иерархическим образом выстроенный миропорядок, может быть опрокинута в разгар развития мирового экономического кризиса на рубеже 2015...2017 гг.

В этой связи Россия, которой в качестве основной ролевой функции в мире определена роль поставщика сырья и энергоносителей для развитых стран, «не имеет права» ни на высокий геополитический статус, ни на обладание стратегическими ядерными силами (СЯС), обеспечивающими сдерживающие возможности. И это не просто возможная гипотеза. Если непредвзято посмотреть на историю развития международных отношений, то легко видеть, что глобальный миропорядок искусственно выстроен именно таким образом, чтобы подтвердить ее истинность. До настоящего времени вся стабильность индустриального и постиндустриального миров держалась и держится на военно-политической несостоятельности стран –

поставщиков сырья и энергоносителей. На этот геополитический фактор мало обращают внимания при рассмотрении российско-американских отношений. Эксперты удивляются, почему США так неодинаково относятся к России и Китаю. Россию в США критикуют практически все. Гораздо менее демократичный и толерантный ко всему, к чему только можно быть толерантным, Китай ругают лишь американские неоконсерваторы и политические клиенты тайваньского лобби. Одним из возможных ответов состоит именно в том, что западный мир не может быть снисходителен к амбициям «энергетических держав», особенно в том случае, если таковые обладают серьезным геополитическим потенциалом.

В понятие геополитического потенциала уместно включить в данном случае гипотетическую способность Москвы (на данный момент, именно сугубо потенциальную) к формированию новых энергетических альянсов – в постсоветском ареале или же за его пределами. Подобные альянсы могли бы стать серьезной силой, меняющей баланс сил современного мира. По этой причине палата представителей Конгресса США приняла в мае 2007 г. направленный против России законопроект, объявляющий незаконным создание новых картелей типа ОПЕК.

Согласно *второму* варианту начинается подготовка к началу создания второго «глобального центра власти и капитала» (ГЦВК) (Цыганов, Бухарин 2007) в Китае (вопрос, который уже давно обсуждается в экспертном сообществе в связи с так называемым «кризисом»). В этой связи необходимо отметить, что по сообщениям СМИ З. Бжезинский в январе 2009 г., находясь в Китае, выступил с призывами о том, что США и Китай должны совместно «гармонизировать мир». Создается впечатление, что в преддверии пика развития через несколько лет глобального экономического кризиса изучается возможность перехода от «большой восьмерки» к «большой двойке». Для реализации этого сценария Россию надо «отбросить вниз» в «геополитический коридор», покинуть который, без кардинальных мировых потрясений (типа мировой войны), практически невозможно.

Таким образом, согласно данному сценарию происходит переход от однополярного мира с единственным ГЦВК (США) к биполярному (более устойчивому), как это было до распада СССР. Только место СССР в качестве второго ГЦВК занимает Китай. В данном случае Россия теряет статус самостоятельного внешнеполитического игрока и становится перед выбором: «лечь под Америку» (как Европа) или «под Китай».

Здесь уместно задать вопрос: а как план Б. Обамы по переходу от «большой восьмерки» к «большой двойке» соответствует интересам других региональных центров силы (европейских стран)?!

Третий сценарий также связан с учетом «китайского фактора». В соответствии с ним начинается многошаговая комбинация «великой шахматной партии» (по З. Бжезинскому, 2000), в которой разыгрывается своеобразный «китайский гамбит». Идя на снижение своего статуса («жертвуя»

своим единоличным лидирующим положением в мире), США приобретают выгодную геополитическую позицию, в которой Россия «откатывается» на второстепенное место. Создаются условия для «канализования» агрессии растущего Китая в «северном направлении», столкновения его с Россией (в том числе в военных конфликтах) с ликвидацией в результате этого на обозримый промежуток времени двух главных геополитических соперников – России и Китая. В этой связи нельзя не отметить, что главным внешнеполитическим советником Б. Обамы является З. Бжезинский. Как известно, он человек, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к России и который уже был в 1970-е годы разработчиком стратегии розыгрыша «китайской карты» против СССР.

Соглашаясь на план Б. Обамы или же существенно снижая (до 1500 боевых блоков) потенциал ее СЯС, Россия следует резко негативному сценарию развития будущего. В соответствии с ним на пике кризиса (в 2015...2017 гг.) у России «нет демократии» (как это утверждают на Западе), нет стабилизационного фонда, разрушается экономика (за 1-й год нынешнего кризиса процент снижения ВВП России в 2,5 раза выше, чем у западных стран), деградируют Вооруженные Силы и СЯС, более низкое место в мировой «табели о рангах» и, как следствие, она исключается из числа государств, принимающих глобальные решения.

Если Россия хочет сохранить за собой право голоса при формировании будущего мироустройства, то ей в ее нынешнем положении нужно «держаться» за СЯС. В противном случае до нее доведут решения, от которых будет трудно отказаться.

Итак, соглашаясь на план Б. Обамы или существенно сокращая свои СЯС:

а) Россия консервирует на длительную перспективу в качестве своей ролевой функции в мире положение топливно-сырьевого придатка развитых стран;

б) план В.В. Путина по превращению России в «великую энергетическую державу» вряд ли может быть реализован за исторически обозримый промежуток времени.

Библиография

- Андреев В.Г. 1999. Геополитика и мировая война. *Обозреватель-Observer* 12/119.
- Арон Р. 2000. *Мир и война между народами*. М.: NOTA BENE.
- Бжезинский З. 2000. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. М.: Международные отношения.
- Винокуров Г.Н., Коняхин Б.А., Подкорытов Ю.А. 2008. Геополитический статус Китая как фактор российской политики ядерного сдерживания Соединенных Штатов. *Стратегическая стабильность* 2: 49–53.
- Глобальный силометр. 2005. *Политический журнал* 3.
- Дугин А.Г. 1997. *Основы геополитики*. М.: Арктогея.
- Кнорр К. 1960. *Военный потенциал государств*. М.: Воениздат.
- Коняхин Б.А., Подкорытов Ю.А., Винокуров Г.Н. 2006. Методический подход к исследованию некоторых аспектов глобальной стратегической стабильности на основе математического моделирования динамики геополитических статусов государств. *Стратегическая стабильность* 1: 9–16.
- Кузьмин В.И., Галуша Н.А. 2000. *Количественная геополитика*. М.: Институт политического и военного анализа.
- Мэхен А. 1941. *Влияние морской силы на историю 1660–1783*. М.-Л.: Воениздат.
- Петров В.Л. 2003. *Геополитика России. Возрождение или гибель?* М.: Вече.
- Саати Т. 1993. *Принятие решений. Метод анализа иерархий*. М.: Радио и связь.
- Снесарев А.Е. 1920. Единая военная доктрина. *Военное дело* 8: 109–111.
- Цыганов В.В., Бухарин С.Н. 2007. *Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология*. М.: Академический Проект.
- Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малков А.С. 2002. Математическое моделирование геополитических процессов. *Стратегическая стабильность* 1: 60–66.
- Cline R.S. 1975. *World Power Assessment. A calculates of strategic drift*. Washington: Georgetown University, Center for Strategic and International Studies.
- Dunn Sh. W., Kristof N.D. 1994. *China Wakes*. N.Y.: Times Books.
- Fuchs W. 1965. *Formeln zur Macht. Prognosen über Volker, Wirtschaft, Potentiale*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- German C. 1960. A tentative evaluation of world power. *The Journal of Conflict Resolution* 4: 138–144.
- Morgenthau Hans J. 1967. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. 4th ed. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- Organski A.F.K. 1958. *World Politics*. – N.Y.: Alfred A. Knopf.
- Organski A.F.K., Kugler J. 1980. *The War Ledger*. Chicago and London: The University Press.
- Shinn A. 1969. An Application of Psychophysical Scaling to the Measurement of National Power. *Journal Politics* 31: 132–151.